АЗИЯ 07.05.2018 | Мейсон Ричи

А что за кадром?

Начало положено, но за поступающими из Кореи символичными кадрами кроется глубокий конфликт интересов

Читайте также эту статью на немецком и английском языке

Переговоры по вопросам безопасности на Корейском полуострове вышли на новый этап своего развития. Мы уже были свидетелями этого драматического представления в его различных версиях – в 1972, 1992, 1994, 2000, 2005 и 2007 годах – и результат неизменно оказывался плачевным. Дипломатия и сближение остаются важными и необходимыми и хоть в какой-то мере снижают напряжение, возникшее вследствие кризиса 2017 года на Корейском полуострове. Беспокоит, однако, что эта новая редакция усилий по разрядке напряжения сразу же начинается со встречи на высшем уровне между президентом Южной Кореи Мун Джэином, северокорейским правителем Ким Чен Ыном и президентом США Дональдом Трампом. Начало на таком высоком уровне таит в себе большой риск, ведь часто за рамками саммита дела резко идут вниз.

И все же нельзя отрицать впечатляющего эффекта, вызванного телевизионными кадрами, показанными в прямом эфире во всем мире 27 апреля во время встречи между Кимом и Муном. То, что Ким перешагнул военную демаркационную линию, разделяющую Север и Юг, стало историческим моментом: большое впечатление произвел также достойный прием Муном своего брата, бывшего врагом; да и прогулка обоих по мостику, а также обстоятельная беседа между ними не была лишена определенного драматизма. Вся инсценировка была завораживающей и с точки зрения воздействия на зрителя похожа на оперу: медленно уступающий место вечерним сумеркам день, и обе корейских делегации, собравшиеся для церемонии преломления хлеба перед возвращением Кима в Пхеньян.

Пхеньян понимает денуклеаризацию как

Точно так же раскручивается сюжет увертюры к опере: стержневым элементом всей истории является дуэт, который

меру, распространяющуюся на весь полуостров. За этим скрывается требование демонтажа щита ядерной защиты, воздвигнутого США над Южной Кореей с целью стратегического устрашения.

выходит на сцену позже, и отношения между участниками которого близятся к счастливому или роковому концу. Дуэт нам еще предстоит увидеть во время встречи Трампа и Кима в мае или июне. Несмотря на задушевную символику саммита между двумя Кореями, необходимо все же посмотреть трезво на логику событий, происходивших за кулисами этого шоу с хорошо отлаженной хореографией. Фактом остается то, что конкретных изменений пока мало. Правда, Мун и Ким в демилитаризованной зоне вместе посадили дерево мира, но мы ни на йоту не продвинулись в понимании того, каким образом должен начаться процесс денуклеаризации Северной Кореи.

Главным вопросом на Корейском полуострове остается то, в каких масштабах и при каких условиях Северная Корея проявит готовность к ядерному разоружению. Как и ожидалось, этот внутрикорейский саммит никак не способствовал получению ответа на этот вопрос. На самом деле борьба между Севером и Югом вокруг положений и деталей процесса ядерного разоружения уничтожила бы саммит, если бы дело дошло до разногласий. К тому же подписание Муном соглашения, противоречащее предпочтительным для США решениям, могло бы привести к разрыву между Сеулом и Вашингтоном. Главной целью встречи между Муном и Кимом была демонстрация движения навстречу друг другу, укрепление доверия к дипломатии, а также подготовка сцены и настройка тональности для предстоящей встречи на высшем уровне между Трампом и Кимом. Во время этой встречи с президентом США в центре внимания будет находиться ракетно-ядерная программа Северной Кореи.

В совместной Пханмунджомской декларации речь об атомном оружии практические не идет. Оно появляется лишь в форме подпункта в месте, где говорится о построении «режима мира» на Корейском полуострове. Зато ни единым словом не упомянуты баллистические ракеты Севера. В декларации повторяется то, что и без того было нам хорошо известно. Пхеньян понимает денуклеаризацию как меру, распространяющуюся на весь полуостров. За этим скрывается требование демонтировать щит ядерной защиты, воздвигнутый США над Южной Кореей с целью стратегического устрашения. Поскольку США не согласны с этим предварительным условием ядерного разоружения Северной Кореи, трудно толковать пассаж из декларации о денуклеаризации иначе,

чем заявление Северной Кореи о намерении оставаться ядерным государством.

Проблема в том, что представления Северной Кореи о денуклеаризации практически не имеют ничего общего с представлениями США. И хотя правительство Муна понимает это как никто другой, все же оно проявило готовность обойти эту тему в декларации.

Это не стало неожиданностью, ведь 21 апреля Центральный комитет правящей Трудовой партии Северной Кореи в одностороннем порядке провозгласил мораторий на испытания своих ядерных и межконтинентальных баллистических ракет. Тем самым, по мнению многих экспертов, Северная Корея подтвердила свои притязания на признание в качестве ядерного государства. Бросается в глаза то, что в моратории не упомянуты ни замораживание ракетно-ядерной программы, ни системы ракет короткой, средней дальности или ядерные подводные лодки. В единственной ссылке на денуклеаризацию в косвенной форме, похоже, сказано, что Северная Корея может рассмотреть этот вопрос в контексте ядерного разоружения во всем мире, то есть в рамках ст. VI Договора о нераспространении ядерного оружия, который является обязательным для выполнения всеми ядерными государствами, в том числе США. Это не похоже на ядерную державу, готовую отказаться от своего арсенала. Намеки, содержащиеся в Декларации от 21 апреля, о надежности ядерного оружия и необходимости ответственной ядерной политики, в том числе и касательно нераспространения ядерного оружия в других странах, отчетливо свидетельствуют о желании Северной Кореи сказать всему миру: «Сегодня мы ядерная держава, привыкайте к этому».

Как раз в этом контексте и следует понимать упоминание о «денуклеаризации Корейского полуострова» в Пханмунджомской декларации. Проблема в том, что представления Северной Кореи о денуклеаризации практически не имеют ничего общего с представлениями США. И хотя правительство Муна понимает это как никто другой, все же оно проявило готовность обойти эту тему в декларации, отказаться от рассмотрения вопроса о дефиниции понятий, пересидеть эту проблему и сдвинуть ее решение до встречи

между Трампом и Кимом. Представители официальной американской политики требуют от Северной Кореи взять на себя обязательства по осуществлению «полного, верифицируемого и необратимого сворачивания» всей своей ракетно-ядерной программы в соответствии с резолюциями ООН. Расхождения во мнениях между США и Северной Кореей в вопросе о значении денуклеаризации станут главной темой переговоров между Трампом и Кимом. Мерилом успеха предположительно будет обнародование общей позиции с конкретным содержанием, которая придет на смену расплывчатым формулировкам о денуклеаризации в Пханмунджомской декларации.

Тональность такой позиции, а именно: поддастся ли Северная Корея на требования США или же сами Соединенные Штаты довольствуются меньшим, будет способствовать получению ответа на зависший вопрос о том, почему Ким вообще решил сесть за стол переговоров. Некоторые эксперты считают, что Пхеньян вынужден был пойти на это под «максимальным давлением Трампа». Другие же в свою очередь полагают, что Ким настолько далеко продвинулся с созданием своего арсенала атомного оружия, что сможет вести переговоры с позиции силы. Если справедливо первое, то в вопросе денуклеаризации Северной Кореи может произойти быстрый прорыв. Если же правы сторонники иного мнения, то можно представить себе две следующие возможности: соглашение, в котором США де-факто признают Северную Корею ядерным государством и пойдут на установление верхнего предела и замораживание северокорейской ракетно-ядерной программы. Или же, хотя и менее вероятно, решение Трампа о необходимости нанесения военных ударов по Северной Корее.

Вероятно, Кима вынудили сесть за стол переговоров оба этих аспекта. В таком случае придется считаться с длительными переговорами и адски сложными деталями относительно графика и реализации компромиссного соглашения, в котором будет установлен верхний верифицируемый порог и заморожена ракетно-ядерная программа Северной Кореи. Это поэтапный процесс, встроенный в «большой пакет», содержащий «режим мира», сближение между обеими Кореями и смягчение санкций. Однако полное, верифицируемое и необратимое сворачивание стало бы в таком случае вопросом далекого будущего.

В отличие от неопределенности в вопросе ядерного разоружения мы имеем более ясное представление о том, как должно было бы выглядеть примирение между Южной и Северной Кореей, даже если путь, ведущий к нему, тернист, а провозглашенная цель – мир на

полуострове и в конечном результате воссоединение Кореи – звучит как сказка. На самом деле большая часть высказываний на эту тему в Пханмунджомской декларации была позаимствована из старых соглашений. А о том, что старые проблемы и конфликты на Корейском полуострове все еще остаются нерешенными, красноречиво свидетельствует успешность этих самых предыдущих соглашений.

Если оставить в стороне скепсис, то удалось договориться о многих позитивных вещах в плане улучшения внутрикорейских отношений и снижения военного напряжения: в частности, о создании рабочих групп высокого уровня и встречах на уровне правительств, дипломатии в сфере культуры и спорта, воссоединении семей, укреплении доверия между двумя Кореями в военной сфере и поэтапной деэскалации обычных видов вооружений, мерах по укреплению мира в этом году и в последующие годы, чтобы заменить прекращение огня мирным договором, а также о следующей встрече Муна и Кима осенью этого года. Важно то, что многие планы обозначены конкретными датами, что можно считать своеобразным путеводителем к успеху.

Тем не менее декларация содержит и некоторые ловушки – как известные, так и новые: дефиниции запрещенных «враждебных действий» очень смутны и открывают широкий простор для истолкования и обхода; непрямые упоминания об экономическом сотрудничестве между Кореями воспринимаются как намек на отмену санкций, что может противоречить дорожной карте Вашингтона. И не в последнюю очередь вынос за скобки Японии и вовлечение Китая в усилия по безопасности на Корейском полуострове на уровне международного сообщества свидетельствуют о том, что Пекин пытается использовать эти переговоры для получения своей стратегической выгоды. Возможно, существует и нечто непредсказуемое, в частности необнародованные сопутствующие договоренности между Муном и Кимом.

Подводя итог, можно констатировать, что результатом внутрикорейского саммита 27 апреля стали три стратегических плана разной степени детализации, касающиеся трех областей: внутрикорейского сотрудничества, снижения военного напряжения на Корейском полуострове и создания «режима мира», в том числе и денуклеаризации. Все эти направления связаны между собой. То, что Мун и Ким, похоже, согласовали «большой пакет», означает одно: по всем этим направлениям необходим одновременный прогресс. И когда поднимется занавес ко второму акту саммитов на Корейском полуострове, станет очевидным, нашли ли Трамп и Ким

правильную тональность, чтобы дать толчок этой истории, разворачивающейся у нас на глазах.

Мейсон Ричи
Сеул

Мейсон Ричи (Mason Richey) – профессор международной политики Университета иностранных языков Ханкук в Сеуле.